

E 408.92 v07 p52

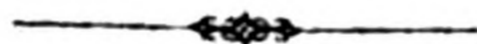
ДРЪ ЭСПЕРАНТО.

ВТОРАЯ КНИГА
МЕЖДУНАРОДНОГО
ЯЗЫКА.

ВЫПУСКЪ 1ЫЙ

Цѣна 25 копѣекъ.

ВАРШАВА.

Изданіе автора.

1888.

ДРЪ ЭСПЕРАНТО. [Вен.]

A_n
Esp

ВТОРАЯ КНИГА
МЕЖДУНАРОДНАГО
ЯЗЫКА.

ВЫПУСКЪ 1ый

Цѣна 25 копѣекъ.

ВАРШАВА.

Изданіе автора.

1888.

372.707 - В Esp.

Zamenhof, Ludwig Lazarus
vторая книга между-
народного языка. —
Варшава. 1888.
Упр. 1.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ.
Варшава. 12 Января 1888 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Выступая еще разъ передъ почтенною публикой, я считаю долгомъ прежде всего поблагодарить читающую публику за живое участіе которое она приняла въ моемъ дѣлѣ. Множество обѣщаній, которыя я получаю, и изъ которыхъ значительная часть подписана „безусловно“, письма съ ободреніями и совѣтами, — все это показываетъ мнѣ, что моя глубокая вѣра въ человѣчество меня не обманула. Добрый геній человѣчества проснулся: со всѣхъ сторонъ къ общечеловѣческой работѣ присоединяются массы, которыя обыкновенно такъ лѣнливы для всякаго новаго дѣла; молодые и старые, мужчины и женщины — спѣшатъ принести свой камень для великаго, важнаго и общепользаго зданія. Да здравствуетъ человѣчество, да здравствуетъ братство народовъ, да здравствуетъ оно вѣчно!

Въ моемъ первомъ сочиненіи я сказалъ, что свой трудъ я представляю на время одного года суду всего міра; когда годъ прошелъ-бы, я намѣревался издать книжку, въ которой были-бы собраны всѣ мнѣнія, выраженные публикой, и, воспользовавшись тѣми, которыя дѣйствительно были бы хороши, я далъ-бы языку окончательную форму,

а послѣ этого можно было-бы уже начать изданіе полныхъ словарей, книгъ, газетъ и т д., ибо тогда языкъ прошелъ-бы уже черезъ судъ всего міра, и всѣ важнѣйшіе недостатки, которые могли-бы быть найдены въ немъ, какъ въ сочиненіи одного челоѣка, были-бы уже болѣе или менѣе устранены.

Я дѣйствительно намѣревался молчать въ теченіи цѣлаго года. Но съ того дня, когда вышла моя книжка, я сталъ получать множество писемъ съ вопросами и просьбами ускорить дѣло. Отвѣчать на всякое письмо отдѣльно, для меня невозможно, и потому я рѣшился отвѣтить публично на всѣ вопросы и предложенія, ибо такимъ образомъ одинъ отвѣтъ можетъ служить для многихъ спрашивающихъ. Всѣ отвѣты составятъ одну книгу, которая будетъ представлять продолженіе первой книги, изданной мною. Но если-бы я хотѣлъ отвѣты на всѣ вопросы издать вмѣстѣ, въ одной книгѣ, я долженъ былъ-бы слишкомъ долго заставить ждать моихъ корреспондентовъ, пока эта книга будетъ готова и издана,—тѣмъ болѣе, что постоянно прибываютъ новые вопросы; поэтому я рѣшился издать книгу съ отвѣтами—отдѣльными выпусками, которые будутъ издаваемы въ теченіе цѣлаго 1888 года періодически, съ промежутками приблизительно въ два мѣсяца отъ одного выпуска до слѣдующаго. Въ этихъ выпускахъ на *всѣ* вопросы будетъ отвѣчено; къ концу 1888 года выйдетъ послѣдній выпускъ, и „Вторая книга международнаго языка“ будетъ кончена.

Еще одно обстоятельство заставляеть меня начать изданіе выпусковъ, о которыхъ я говорилъ. Несмотря на намѣреніе, которое я выразилъ въ моемъ первомъ со-

чиненіи, начать изданіе книгъ не раньше, чѣмъ будетъ конченъ судъ публики надъ языкомъ, предложеннымъ мною, — со всѣхъ сторонъ поступаютъ требованія, чтобы я какъ можно скорѣе издалъ какуюнибудь книгу на международномъ языкѣ, чтобы публика могла познакомиться съ этимъ языкомъ всесторонне, изучить его скорѣе и пользоваться имъ. Число этихъ требованій такъ велико, что я не могу уже слушать ихъ молча. Издавая „Вторую книгу международного языка“, писанную уже на этомъ языкѣ, я дамъ желающимъ достаточно матеріала для чтенія и возможность вполне хорошо изучить языкъ; кромѣ текста книги, который уже самъ по себѣ представитъ матеріалъ для чтенія, въ книгѣ будутъ также систематическіе куски для упражненій.

Вся книга будетъ состоять изъ 5—6 выпусковъ, въ которыхъ будутъ находиться отвѣты на всѣ вопросы, которые касаются самаго языка, его строенія, его будущности, какъ его хорошо и основательно изучить, какъ скорѣе и вѣрнѣе всего распространить его употребленіе въ мірѣ и т. д. Когда выйдетъ послѣдній выпускъ книги, тогда для читателя ничего уже не будетъ неяснымъ: общество будетъ тогда знать весь духъ языка, оно будетъ имѣть тогда *полный* словарь и съумѣетъ *вполне свободно* пользоваться языкомъ для *всякихъ цѣлей*, такъ, какъ оно можетъ теперь пользоваться всякимъ богатымъ и обработаннымъ живымъ языкомъ. Зависимость языка отъ воли или таланта моей собственной особы или какогонибудь другаго отдѣльнаго лица или общества — совершенно исчезнетъ. Языкъ тогда будетъ готовъ во всѣхъ его мелочахъ. Лич-

ность автора тогда совершенно сойдетъ со сцены и будетъ забыта. Буду-ли я послѣ этого еще жить, или умру, сохраню-ли я силу своего тѣла и духа, потеряю-ли я ее,—дѣло нисколько отъ этого не будетъ зависть, какъ судьбѣ какого нибудь живущаго языка нисколько не зависить отъ судьбы той или другой особы.

Многіе вѣроятно качаютъ недовѣрчиво головой, читая мои слова. Какъ это возможно, говорятъ они, чтобы въ теченіи одного года языкъ былъ совершенно готовъ, такъ чтобы онъ не нуждался больше въ работѣ автора? чтобы такое грандіозное дѣло, какъ созданіе и введеніе всемірнаго языка въ теченіи одного года настолько созрѣло и окрѣпло и получило бы такой ясный непоколебимый порядокъ, чтобы оно не нуждалось больше въ руководителѣ! Но я надѣюсь, что уже послѣ втораго или третьяго выпуска читатель увидить, что я не фантазирую.

Пусть читатель не думаетъ, что въ книгѣ, которую я намѣреваюсь издать, онъ увидить какія либо чудеса. Тотъ, кто привыкъ цѣнить вещи не по ихъ практическому значенію и дѣйствительному достоинству, но по удивительности и ненатуральности ихъ возникновенія, будетъ вѣроятно обмануть въ своихъ надеждахъ, когда, читая мою книгу, онъ встрѣтитъ въ ней исключительно вещи простыя и натуральныя. Но результаты этихъ простыхъ вещей, будутъ, какъ надѣюсь читатель впоследствии убѣдится, что по окончаніи года

а) Языкъ окажется вполне готовымъ во всѣхъ его мелочахъ, настолько, что дальнѣйшая работа автора надъ нимъ окажется совершенно ненужною,

и, подобно всякому изъ существующихъ живыхъ языковъ, онъ сдѣлается совершенно независимымъ отъ какой либо отдѣльной личности.

в) Языкъ окажется болѣе или менѣе безошибочнымъ, такъ какъ къ тому времени онъ успѣетъ пройти черезъ судъ всего образованнаго міра, и всѣ недостатки, которые въ немъ окажутся, какъ въ трудѣ *одного человека*, будутъ исправлены сообща всѣмъ обществомъ.

Читая первые выпуски моей книги, многіе вѣроятно будутъ неудовлетворены, ибо можетъ быть не найдутъ въ нихъ еще отвѣтовъ на вопросы, поставленные *ими*; а такъ какъ всякій считаетъ вопросъ, поставленный имъ самимъ, самымъ важнымъ, то многіе вѣроятно воскликнутъ: „что онъ все говоритъ о вещахъ, не имѣющихъ никакой важности, а о вещахъ дѣйствительно важныхъ не говоритъ ни слова!“ Прошу поэтому читателя вооружиться терпѣніемъ, ибо къ концу году будутъ удовлетворены *всѣ* вопросы. Если въ одномъ изъ первыхъ выпусковъ тотъ или другой вопросъ будетъ уже по видимому оконченъ и уступить мѣсто другому вопросу, это нисколько не должно доказывать, что я уже больше не буду говорить объ немъ. Ибо о многихъ вопросахъ я дамъ въ первыхъ выпускахъ только мое *личное* мнѣніе, но впоследствии я еще вернусь къ нимъ и дамъ рѣшеніе *окончательное*, выработанное судомъ *публики*.

Въ интересахъ самаго дѣла книга моя не будетъ представлять собою одно систематическое сочиненіе, — это будетъ просто бесѣда моя съ друзьями „международнаго языка“.

Цѣна каждаго выпуска будетъ 25 копѣекъ. Кто хочетъ, чтобы я посылалъ ему каждый слѣдующій выпускъ сейчасъ же лишь только онъ будетъ готовъ и выйдетъ изъ печати, тотъ пусть пришлетъ мнѣ стоимость слѣдующаго выпуска тотчасъ по полученіи предыдущаго.

Прежде чѣмъ кончить предисловіе, я позволяю себѣ еще повторить просьбу, которую я уже выразилъ въ моемъ первомъ сочиненіи: пусть всякій подвергнетъ старательному обсужденію предложенное мною дѣло и пусть всякій укажетъ мнѣ ошибки, которыя онъ нашелъ въ немъ, или поправки, которыя онъ можетъ предложить. Если читатель не могъ еще хорошо узнать мое дѣло изъ моей первой книжки, эта моя вторая книга дастъ ему возможность узнать дѣло вполне и всесторонне. Для того, чтобы мое дѣло достигло желаемой цѣли, необходимо не только чтобы міръ высказалъ свое мнѣніе объ этомъ дѣлѣ, но чтобы я *зналъ* мнѣніе міра и могъ воспользоваться имъ для моего труда. Рассылая мое первое сочиненіе редакціямъ газетъ, я просилъ ихъ прислать мнѣ тотъ номеръ газеты, въ которомъ будетъ находиться критика моего дѣла; но къ сожалѣнію очень немногіе исполнили мою просьбу, а узнать самому, гдѣ, когда и что было говорено о моемъ дѣлѣ,—для меня положительно невозможно. Поэтому я прошу *читателей* газетъ прислать мнѣ тѣ номера, въ которыхъ они читали что-либо о предложенномъ мною дѣлѣ, и я уже напередъ выра-

жаю имъ мою сердечную благодарность. Я прошу этого не ради меня, а ради *дѣла*.

Наконецъ прежде чѣмъ приступить къ моей бесѣдѣ съ друзьями международнаго языка, я выражаю еще разъ мою горячую благодарность публикѣ за нравственную поддержку, которую она оказала мнѣ; надѣюсь, что сочувствіе публики не охладѣетъ, а будетъ постоянно и непрестанно возрастать, и послѣ очень непродолжительнаго времени достигнетъ цѣли дѣла, надъ которымъ работаютъ всѣ слои человеческого общества.

I.

Прежде всего я поговорю нѣсколько словъ о тѣхъ критикахъ, которыя я до сего дня слышалъ или читалъ, въ газетахъ или въ письмахъ ко мнѣ, хотя я долженъ предупредить читателей, что этотъ пунктъ въ моихъ глазахъ очень важенъ и въ послѣдствіи я еще поговорю объ немъ подробнѣе. Я не хочу производить какое-либо давленіе на судъ публики, и я хотѣлъ-бы, чтобы міръ самъ выработалъ рѣшеніе въ предложенномъ мною дѣлѣ. Но нѣкоторыя критики были такъ написаны, что я не могу совершенно умолчать объ нихъ.

а) Одни говорили объ авторѣ, вмѣсто того чтобы говорить о дѣлѣ. Они или расточали комплименты автору, указывали сколько тяжелаго труда дѣло вѣроятно мнѣ стоило, и, хваля *автора*, они почти совершенно забыли говорить о пользѣ и значеніи *дѣла* и побуждать публику работать для него; дру-

гіе, не находя въ моемъ сочиненіи ученой смѣси и учено-теоретическаго философствованія, которыя они привыкли встрѣчать во всякомъ серьезномъ сочиненіи, опасались, что псевдонимный авторъ можетъ быть не достаточно ученъ или недостаточно заслуженъ, и они боялись высказать рѣшительное мнѣніе, стараясь болѣе открыть, кто таковъ псевдонимный авторъ. Чтобы побудить критиковъ совершенно отдѣлить *дѣло* отъ *автора*, я публично объявляю самъ, что я совсѣмъ не чрезвычайно ученый лингвистъ, что я совершенно безъ заслугъ и неизвѣстенъ въ мірѣ. Я знаю, что мое признаніе охладитъ многихъ для дѣла, но я хочу, чтобы судили не о авторѣ, а о дѣлѣ. Если дѣло хорошее,—примите его; если оно дурное,—бросьте его. Какимъ путемъ я дошелъ до созданія моего языка и по какимъ методамъ я работалъ, — я еще поговорю, но въ одномъ изъ *слѣдующихъ* выпусковъ; ибо по моему мнѣнію этотъ вопросъ для публики не имѣетъ значенія: для міра важны только *результаты*.

в) Другіе хотѣли блеснуть безконечнымъ философствованіемъ и писали ученые статьи, совсѣмъ не подумавъ и не спросивъ себя, говорятъ-ли они логически и къ дѣлу. вмѣсто того чтобы испытать практически (что было очень легко сдѣлать), годится-ли предложенный мною языкъ для международныхъ сношеній, даетъ-ли онъ дѣйствительно каждому возможность быть понятымъ иностранцами, — они говорили о физиологій и исторіи языковъ живыхъ; вмѣсто того, чтобы провѣрить собственнымъ ухомъ, благозвученъ-ли мой языкъ или нѣтъ,—они теоретически говорили о законахъ благозвучія; вмѣсто

того чтобы разобрать, хорошо-ли я создалъ словарь, и нельзя-ли сдѣлать его еще болѣе понятнымъ и практическимъ, они говорили, что словарь долженъ быть составленъ изъ корней санскритскихъ или изъ словъ взятыхъ на перемѣшку изъ всѣхъ языковъ міра. (Языкъ много отъ этого *потерялъ*-бы, сдѣлавшись совершенно непонятнымъ; а что онъ-бы отъ этого *выигралъ*, кромѣ ненужнаго ученаго вида? объ этомъ они совершенно забыли себя спросить).

с) Иные писали критику о моемъ дѣлѣ, даже не прочитавши хорошо моей маленькой брошюры и не постаравшись даже понять дѣло. Такъ, на-примѣръ, временныхъ значковъ между частями словъ они совершенно не поняли и, написавши на-примѣръ „ensong, oprinc, in, o, pmivid, is“ (вмѣсто „en song o princ in o n mi vid is“), они указывали своимъ читателямъ „какъ незвученъ и непонятенъ этотъ языкъ“! Проектъ всемірнаго голосованія, который съ дѣйстви-тельнымъ и безусловнымъ значеніемъ языка нисколько не связанъ, и который предложенъ только для того, чтобы языкъ скорѣе изъ *международнаго* сдѣлался *всемирнымъ*, — они приняли за самую важную и основную часть дѣла и объясняли читателямъ, что „такъ какъ десяти милліоновъ адептовъ (!) никогда не будетъ собрано, поэтому дѣло совершенно не имѣетъ будущности“! Нѣсколько разъ я читалъ даже длинныя статьи о моемъ дѣлѣ, гдѣ было очевидно, что авторы даже не видѣли моего сочиненія.

с) Другіе, вмѣсто того чтобы говорить о пользѣ или бесполезности моего языка, ограничились только бессмысленными шутками, которыя ихъ читателями были можетъ приняты за критику, ибо многіе читатели

собственнаго сужденія не имѣютъ, и самыя глупыя шутки о какомъ-либо дѣлѣ служатъ для нихъ достаточнымъ доказательствомъ, что дѣло смѣшное и никуда не годится.

Я не желаю похвалъ, — я хочу, чтобы мнѣ помогли устранить ошибки, которыя я сдѣлалъ, и чѣмъ критики моего языка строже, тѣмъ съ большею благодарностью я ихъ принимаю, если онѣ только имѣютъ цѣлью указать мнѣ ошибки моего дѣла (для того чтобы я могъ ихъ исправить), а не смѣяться безъ смысла или ругаться безъ причины. Я знаю очень хорошо, что произведеніе одного человѣка не можетъ быть совершеннымъ, если-бы этотъ человекъ даже былъ самымъ гениальнымъ и гораздо ученѣе меня. Поэтому я не далъ еще моему языку окончательной формы; я не говорю: „вотъ языкъ созданъ и готовъ, такъ я хочу, такимъ пусть онъ будетъ и такимъ пусть онъ останется!“ Все исправимое будетъ исправлено совѣтами міра. Я не хочу быть *творцемъ* языка, я хочу быть только инициаторомъ. Это пусть будетъ также отвѣтомъ для тѣхъ друзей международного языка, которые нетерпѣливы и хотѣли-бы уже видѣть книги и газеты на международномъ языкѣ, полные словари, словари національно-интернаціональные и т. п. Не трудно было-бы мнѣ удовлетворить этихъ друзей; но пусть они не забудутъ, что это было-бы опасно для самого дѣла, которае столь важно, что было-бы непростительно дѣйствовать по собственному рѣшенію одного человѣка. Я не могу сказать, что языкъ готовъ, пока онъ не прошелъ черезъ судъ публики. Одинъ годъ не вѣчность, а между тѣмъ этотъ годъ очень

важенъ для дѣла. Поэтому также я не могу дѣлать какія-либо измѣненія въ языкѣ тотчасъ по полученіи совѣтовъ, хотя-бы эти совѣты и были самые безошибочные и исходили-бы отъ лицъ самыхъ компетентныхъ. Въ теченіи всего 1888 года языкъ останется совершенно безъ измѣненія; но когда годъ пройдетъ, тогда всѣ необходимыя измѣненія, предварительно разобранныя и испробованныя, будутъ опубликованы, языкъ получитъ окончательную форму, и тогда начнется его полное функціонированіе. Судя по совѣтамъ, которые были мнѣ присланы до сего дня, я полагаю, что языкъ вѣроятно будетъ измѣненъ очень мало, ибо большинство этихъ совѣтовъ не практичны и вызваны недостаточнымъ обсужденіемъ и испробованіемъ дѣла; но сказать, что языкъ совершенно не будетъ измѣненъ, я однако не могу. Впрочемъ всѣ предложенія, которыя я получаю, вмѣстѣ съ моимъ мнѣніемъ объ нихъ, будутъ предоставлены суду публики или какой-либо изъ извѣстныхъ уже ученыхъ академій, если между этими найдется одна, которая захочетъ взять на себя этотъ трудъ. Если какая-нибудь компетентная академія извѣститъ меня, что она желаетъ взять на себя этотъ трудъ, я немедленно пошлю ей весь имѣющийся у меня матеріаль, я передамъ ей все дѣло, я сойду съ величайшимъ удовольствіемъ со сцены, и изъ автора и инициатора я превращусь въ простаго друга международнаго языка, подобно всякому другому другу. Если-же ни одна изъ ученыхъ академій не захочетъ взять на себя мое дѣло, тогда я буду продолжать публикованіе присылаемыхъ мнѣ предложеній и, руководясь собственнымъ мнѣніемъ

и мнѣніями публики, присылаемыми мнѣ по поводу этихъ предложеній, я самъ до конца года установлю окончательную форму языка и объявлю языкъ готовымъ.

II.

Число 10,000,000, о которомъ сказано въ моемъ первомъ сочиненіи, многимъ кажется положительно не достижимымъ. Бóльшая часть міра дѣйствительно вѣроятно будетъ столь инертна, что не дастъ голоса по собственной инициативѣ, не смотря на то, что дѣло такое важное, а трудъ голосованія такой ничтожный. Но если друзья международнаго языка, вмѣсто того чтобы пугаться цифры, будутъ работать для дѣла и соберутъ столько голосовъ, сколько они будутъ въ состояніи, тогда необходимое число голосовъ можетъ быть собрано въ самое короткое время.

Когда я предложилъ голосованіе, я глубоко вѣрилъ, что раньше или позже 10,000,000 голосовъ будетъ собрано. Результаты, обнаружившіеся до сего дня, еще болѣе укрѣпляютъ меня въ этой вѣрѣ. Но положимъ, что я фантазирую, что я ошибаюсь, что я слишкомъ много надѣюсь,—что на всемъ земномъ шарѣ не будетъ собрано и одного милліона голосовъ... Что-же дѣло тогда теряетъ? Нѣкоторые совѣтуютъ мнѣ, чтобы я отказался отъ голосованія или чтобы я редуцировалъ число требуемыхъ голосовъ до одного милліона; „ибо“, говорятъ они, „благодаря фантастическому пункту голосованія, дѣло, само по себѣ столь полезное, можетъ потерпѣть фіаско“. Но откуда-же вы, господа, взяли, что успѣхъ дѣла

зависитъ отъ результатовъ голосованія? Тѣ, которые находятъ языкъ мой достойнымъ изученія, посылаютъ мнѣ обѣщанія безусловныя и изучаютъ языкъ мой безъ всякаго ожиданія. Независимо отъ хода голосованія, на этомъ языкѣ будутъ издаваемы книги и газеты, и дѣло будетъ подвигаться впередъ. Голосованіе я предложилъ только для того, чтобы къ дѣлу могли быть привлечены *сразу* цѣлыя массы людей; ибо я знаю, что взять на себя какой-нибудь трудъ, хотя бы самый малый, не всякій согласится, содѣйствовать-же общеплезному дѣлу тамъ, гдѣ не требуется ни труда, ни денегъ, — не многіе откажутся, тѣмъ болѣе, если найдутся напоминатели. Повторяю: я глубоко вѣрю, что раньше или позже 10,000,000 голосовъ будетъ собрано, и такимъ образомъ въ одно прекрасное утро мы узнаемъ, что международный языкъ сдѣлался всемірнымъ; но если-бы даже число голосовъ никогда до десяти милліоновъ не дошло, — дѣло отъ этого нисколько не погибнетъ.

Нѣкоторые старались мнѣ доказывать, что мой проектъ о голосованіи *математически* невозможенъ, такъ, наприимѣръ, одинъ сдѣлалъ слѣдующее вычисленіе: „если допустимъ, что вписываніе каждаго промесанта займетъ не болѣе одной минуты, и Вы, бросивъ всякую другую работу, будете заниматься исключительно этимъ дѣломъ, работая безъ отдыха 15 часовъ ежедневно, тогда приготовленіе книги голосованія займетъ 30 лѣтъ, а для того чтобы издать ее, Вамъ нужны будутъ богатства Креза!“ Вычисленіе повидимому совершенно вѣрно и можетъ устрашить всякаго, — однако, еслибы написавшій это

вычисленіе хорошо обдумалъ его, онъ очень легко замѣтилъ-бы, что здѣсь кроется софизмъ, и что пусть только дѣйствительно будетъ прислано десять милліоновъ промесь,—книгу голосованія можно будетъ приготовить и издать въ нѣсколько мѣсяцевъ и безъ всякихъ Крезовыхъ богатствъ. Ибо кто говоритъ, что вся книга должна быть собственноручно написана однимъ лицомъ? Что при всякомъ бѣльшемъ дѣлѣ примѣняется раздѣленіе труда, мой корреспондентъ совершенно позабылъ! Такія „страшныя“ книги издаются ежедневно въ большомъ количествѣ, и это не только не оказывается невозможнымъ, но никто даже не видитъ въ этомъ ничего грандіознаго, удивительнаго. Если вы соберете номера какой-нибудь ежедневной газеты за одинъ годъ, вы получите книгу, которая по объему и стоимости равняется имѣющей выйти книгѣ голосованія, а по трудности приготовленія значительно превышаетъ мою книгу, приготовленіе которой есть трудъ чисто механической. Такъ ежегодно на свѣтѣ издаются тысячи и десятки тысячъ такихъ невозможныхъ книгъ, и однако никто изъ редакторовъ не чудотворецъ. Господа вычислители забыли тотъ простой законъ, который они могутъ видѣть на каждомъ шагу,—что то, что у одного человѣка требуетъ 30 лѣтъ, у сотни людей займетъ только 4 мѣсяца, и то, что невозможно для одного лица, составляетъ игрушку для группы людей.

Всѣмъ друзьямъ международнаго языка я повторяю еще мою просьбу: не забудьте о „промесяхъ“ и собирайте ихъ, гдѣ и сколько вы можете. Многие думаютъ, что они не должны прислать

промесы, такъ какъ „авторъ вѣдь знаетъ, что они изучать или уже изучили языкъ“! Но промеса необходима не для меня, а для статистики. Если кто-нибудь даже написалъ мнѣ уже нѣсколько писемъ на международномъ языкѣ, я не могу назвать его интернаціистомъ, пока онъ не прислалъ мнѣ своей промесы. Не говорите, что отъ одной или нѣсколькихъ промесъ огромное число не пополнится: каждое море составлено изъ отдѣльныхъ капель, и самое большое число должно и можетъ быть получено изъ отдѣльныхъ единицъ. Помните, что если даже желаемое число не имѣетъ бытъ достигнуто, вы ничего не теряете, присылая промесу.

III.

Слѣдующіе отдѣльные куски я даю для того, чтобы изучающій могъ повторить практически правила международной грамматики и понять хорошо значеніе и употребленіе суффиксовъ и приставокъ.

1.

Другъ пришель (= одинъ изъ друзей пришель). — Другъ пришель (= извѣстный другъ, или другъ котораго ожидали). — Дайте мнѣ книгу. — Дайте мнѣ книгу, которую вы мнѣ обѣщали. — Этотъ садъ есть любимое мѣсто птицъ. — Окно есть любимое мѣсто птицъ (= нашихъ птицъ). — Слово „la“ называется *членомъ*; оно употребляется тогда, когда мы говоримъ о предметахъ извѣстныхъ. Вмѣсто „la“ можно также сказать „l’“, если это не будетъ неблаго-

звучно. Если кто-нибудь не понимаетъ хорошо употребленія члена, онъ можетъ совершенно его не употреблять, ибо онъ удобенъ, но не необходимъ.

2.

Вотъ отецъ. — Я слышу голосъ отца. — Я получилъ подарокъ отъ отца. — Скажите отцу, что я здоровъ. — Мы пойдемъ къ отцу. — Карлъ купилъ для своей двоюродной сестры часы (карманные) съ тремя стрѣлками. — Мы видимъ глазами. — Разскажите намъ новости, которыя вы слышали о нашихъ несчастныхъ братьяхъ. — Отъ кого вы это слышали? — Я думаю о судьбѣ моей сестры и считаю уже минуты до нашего свиданія. — Августъ добръ, Марія добрѣе Августа, но Эрнестина самая добрая изъ всѣхъ моихъ братьевъ и сестеръ. — Маленькую дочку моего сосѣда я люблю не менѣе моего собственнаго ребенка; сегодня я купилъ для нея очень красивую игрушку.

3.

Шестьдесятъ минутъ составляютъ одинъ часъ, а двадцать четыре часа составляютъ сутки. — Я живу на третьемъ этажѣ. — Сегодня двадцать пятое Апрѣля. — Двадцатое Февраля есть пятьдесятъ первый день года. — Эта рѣка имѣетъ двѣсти девяносто четыре километра длины. — Георгъ Вашингтонъ родился двадцать втораго Февраля 1732-го года. — Пришлите мнѣ займы дюжину вилокъ. — Это случилось 100 лѣтъ тому назадъ. — Я купилъ два шкафа и заплатилъ за нихъ сто франковъ. — Вотъ сотня

яблокъ. — Въ этой странѣ живетъ три милліона христіанъ. — Двойная нитка сильнѣе одиночной. — Съ того дня моя дружба къ нему удвоилась. — Четырежды пять — двадцать. — Четыре раза я уже тамъ былъ. — Половину этой груши я съѣлъ, четверть я далъ своему племяннику, а послѣднюю четверть я бросилъ. — Двадцать одинъ есть $\frac{3}{7}$ сорока девяти. — Впятеромъ они тянули ящикъ и однако не могли его притянуть къ дому. — Если вы придете къ нему втроемъ, онъ возвратитъ то, что взялъ; ибо во первыхъ онъ поборится вашей силы, а во вторыхъ онъ не съумѣетъ оправдаться. — Каждому изъ работниковъ онъ далъ по пяти долларовъ.

4.

Я васъ не понимаю, сударь. — Ты очень упрямъ, мой другъ. — Вы всѣ слишкомъ горды. — „Вы“ мы говоримъ одинаково къ одному лицу или предмету и ко многимъ; это сдѣлано ради удобства, ибо, говоря съ кѣмъ-нибудь, мы часто не знаемъ, какъ сказать ему: „вы“ или „ты“ („сі“ означаетъ второе лицо единственнаго числа; но это слово находится только въ полномъ словарѣ; въ самомъ языкѣ оно почти никогда не употребляется). — Шапочникъ не прійдетъ, ибо онъ боленъ; если прійдетъ его жена, дай ей мою шляпу; если прійдетъ его старшій сынъ, ты можешь также ему дать ее; но если прійдетъ его маленькій ребенокъ, не дай ему ничего. — Вотъ песь, дай ему кость, и позови кошку, она получитъ кусокъ мяса. — Я люблю себя, ибо каждый любитъ себя самого. — Вы уважаете

себя, но другіе васъ не уважаютъ; мой братъ не много уважаетъ себя самъ, но другіе его очень уважаютъ. — Покажите инѣ вашъ счетъ. — Они повели товарищей на свою квартиру, вмѣсто того чтобы пойти съ ними на ихъ квартиру. — Говорятъ, что вы богаты.

5.

Почему вы не отвѣчаете мнѣ, когда я васъ спрашиваю? — Отецъ пишетъ письмо, а дѣти приготавливаютъ свои уроки. — Что онъ болтаетъ? — Онъ болтаетъ весь день. — Нашъ гость пѣлъ общеизвѣстный романсъ N. — Мой дядя запѣлъ и сейчасъ пересталъ, а мой братъ пѣлъ весь вечеръ. — Каролина всегда повиновалась приказаніямъ своей матери, а сегодня она не послушалась. — Когда я пришелъ къ нему, онъ кончалъ свою работу. — Вы не помѣшали мнѣ, ибо когда вы пришли, я уже окончилъ было мою работу. — Онъ будетъ бороться, ибо онъ не будетъ спать спокойно, пока онъ не побѣдитъ врага. — Еслибъ я только былъ здоровъ, я-бы былъ вполне доволенъ. — Если-бы они сказали-было правду, они не были-бы теперь наказываемы; теперь они во всемъ признались, но это было уже слишкомъ поздно. — Иванъ, пиши мой карандашъ. — Пойдемъ гулять, господа! — Пусть онъ не ждетъ пощады! — Спасите меня, друзья! — Я обучаюсь рисованію и игрѣ на гитарѣ. — Уча, мы учимся. — Ученикъ долженъ уважать учителя. — Поучительная книга очень полезна. — Не всякій учащій есть учителемъ. — Богъ есть творецъ и правитель міра. — Заперши двери, онъ началъ

раздѣваться. — Гость, имѣющій прибыть, еще въ до-
рогѣ. — Изгнанникъ голодаетъ уже третій день. —
Наказанная передъ разбитымъ горшкомъ, кошка вѣ-
роятно пойметъ причину наказанія. — Домъ, имѣющій
быть построеннымъ, будетъ стоить много денегъ. —
Получая побои отъ хозяина, онъ плакалъ и клялся,
что онъ страшно отомститъ. — Въ этомъ училищѣ
дѣти воспитываются очень хорошо, ибо завѣдывющій
занимается своимъ дѣломъ съ любовью. — Это пока-
зываетъ, что вашъ внукъ не хорошо воспитанъ. —
Между тѣмъ какъ въ одной комнатѣ гости танцо-
вали, въ другой комнатѣ приготавлился ужинъ; когда
столь былъ накрытъ, пригласили гостей къ столу. —
Что будетъ сегодня дано въ театрѣ? — Слушайте
дѣти! если вы будете представлены генералу, покло-
нитесь ему вѣжливо. — Барышня, которая должна
была выйти замужъ за моего брата, умерла, не сдѣ-
лавшись еще даже его невѣстой. — Сложныя формы,
(напримѣръ: *mī faradas, mī estis farinta* и т. п.)
надо употреблять только тогда, когда смыслъ этого
непремѣнно требуетъ.

6.

Нарѣчія, образованныя изъ другихъ словъ, кон-
чатся на букву „е“; всѣ остальные нарѣчія не
имѣютъ постояннаго окончанія и принадлежатъ къ сло-
вамъ *простымъ*. — Онъ строгій судья, онъ судитъ
строго, но справедливо. — Теперь тепло, но ночь
вѣроятно будетъ очень холодная. — Онъ очень богатъ,
а онъ далъ несчастному слишкомъ мало, ибо онъ
извѣстный скупецъ. — Съ той бумагой я отправился

большими шагами къ купцу; но передъ магазиномъ я встрѣтилъ коляску, въ которой сидѣлъ богато одѣтый господинъ. Вышедши изъ коляски и бросивъ кусокъ сигары, который онъ держалъ было между пальцами, онъ посмотрѣлъ на меня черезъ свои голубыя очки и сказалъ безъ всякаго предисловія: „нѣтъ, для васъ мой магазинъ закрытъ, благодаря дурнымъ извѣстіямъ, которыя я получилъ объ васъ отъ людей достовѣрныхъ“. — Я выпилъ цѣлую бутылку вина, хотя оно не очень понравилось мнѣ, ибо вино было хорошее, но бутылка была отъ водки. — Говорятъ, что вы выиграли большой выигрышъ; если это правда, поздравляю васъ. — Онъ говоритъ, что я былъ-бы счастливѣе, если-бы я былъ прилежнѣе. — Хозяинъ сказалъ, чтобы я ушелъ, ибо если нѣтъ—онъ меня прогонитъ собаками—О, какъ я усталъ! — Фи, какое неприличное выраженіе! — Ура! да здравствуетъ король!

7.

Сложныя слова образуются простымъ соединеніемъ простыхъ словъ; берутся обыкновенно чистые корни; но если благозвучіе или ясность требуетъ, можно также брать цѣлое слово, т. е. корень вмѣстѣ съ окончаніемъ. — Международный языкъ надѣется сдѣлаться когда-нибудь всемірнымъ.—Однодневное правленіе этого вождя не осталось безъ слѣдовъ. — Это плодъ его дѣятельности въ первое время. — Мы завтракаемъ всегда въ 10 часовъ утра. — Портъеры въ его спальнѣ желтокраснаго цвѣта. — Не ругай, не поговоривши раньше съ тѣмъ, котораго ты хо-

чешь ругать. — Положи книгу на столъ. — Книга уже на столѣ. — Онъ вошелъ въ комнату. — Довольны-ли вы моимъ подаркомъ? — Онъ заснулъ навсегда. — Она первая балерина въ нашемъ театрѣ. — Какой механикъ сдѣлалъ эту машину? — Онъ состоитъ директоромъ въ табачной фабрикѣ. — Политика нашего министра показываетъ, что онъ хорошій дипломатъ. — Исторія цивилизаціи чрезвычайно интересна. — Онъ корреспондируетъ по телеграфу со всѣми агентами.

8.

Какой пожаръ! что горитъ? — Дрова хорошій горючій матеріалъ. — Желѣзная палка горяча какъ огонь. — Кто-то пришелъ; спроси его, кто онъ таковъ, и если это тотъ, кого я ожидаю, пришли его ко мнѣ; никого другаго я сегодня не хочу видѣть... нѣтъ, я рѣшилъ иначе: пришли всякаго, кто-бы онъ ни былъ. — Когда-то я пришелъ къ нему и нашелъ его свободнымъ; это меня сильно удивило, ибо когда я ни прихожу, онъ всегда сидитъ надъ работой, и онъ никогда не свободенъ. — Какія слова могутъ быть образованы изъ словъ: „ia“, „ial“, „ian“, „ie“, „iel“, „ies“, „io“, „iom“, „iu“? — Который разъ онъ уже повторилъ свой рассказъ? — Можно-ли сказать: „helpi la fraton“ (вмѣсто: „al la frato“), „obei la patron“ (вмѣсто: „al la patro“), „ridi lian malsagêeson“ (вмѣсто: „je lia malsagêeco“), „plogi la perdon“ (вмѣсто: „pro la perdo“)? Да; ибо если смыслъ не указываетъ ясно, какой предлогъ мы должны употребить, мы всегда можемъ употребить слово „je“, или винительный надежъ безъ предлога.

9.

Его проклинаніе не прекращается; но ни одно изъ его проклятій не можетъ мнѣ сколько-нибудь повредить. — Вчерашняя двухчасовая стрѣльба не была для меня такъ страшна, какъ два выстрѣла, кторые я слышалъ сегодня. — Онъ побѣжалъ на поле. — Онъ бѣгалъ до тѣхъ поръ, пока онъ упалъ. — Прачка принесла мое бѣлье: сорочки, воротнички, манжеты, носовые платки и полотенца (называютъ это „*tolajo*“, хотя не все сдѣлано изъ полотна). — Вмѣсто вина онъ влилъ въ мой стаканъ какую-то непріятную кислоту, и эту мутную жидкость онъ заставилъ меня выпить. — Не все красивое полезно. — Въ углу лежитъ куча стараго желѣза. — Господинъ N. есть сенаторъ. — Крестьянинъ продалъ купцу сотню яицъ. — Число христіанъ больше числа магометанъ. — Не всякій россіянинъ есть Русскій. — Парикъ упалъ съ его головы, и я увидѣлъ большую плѣшь, которую онъ изъ ложнаго стыда всегда такъ тщательно скрывалъ.

10.

Онъ прогуливался въ сопровожденіи своихъ учениковъ. — Я опекунъ этого ребенка, а онъ мой питомецъ. — Вашъ паціентъ мой знакомый. — Ей часто снятся мертвецы. — Обвиняемый, что вы можете сказать въ свое оправданіе? — Она въ четвертомъ мѣсяцѣ беременности. — Зала суда была уже полна, и ввели подсудимаго. — Родственникъ моего супруга или супругъ моего родственника есть мой „*бора-*

генсо“. — Отецъ моей жены есть мой тесть. — Я деверь Елены, ибо она жена моего брата; она моя невестка. — Карль мой пасынокъ, такъ какъ я второй мужъ его матери. — Петръ и Марія уже достаточно стары, однако ихъ еще зовутъ Петя и Маша. — Августъ и Августина добрые дѣти. — Расходитесь, господа, ибо стоять толпой на улицѣ воспрещается. — Онъ разсыпалъ спички по всему полу. — Ваша рѣчь для меня совершенна непонятна. — Онъ рассказываетъ дѣло совершенно не вѣроятное. — Вы пишете очень не четко. — Стекло прозрачно.

II.

Я удивляюсь уму и честности этого человѣка. — Законность его поступка для меня ни-чуть не сомнительна, ибо все, что онъ дѣлаетъ, вполне законно. — Да здравствуетъ братство народовъ! — Женщина, занимающаяся шитьемъ, называется швеей, а ея мужъ называется „kudristinedzo“. — Она не врачъ, а только жена врача. — Въ десять часовъ вечера дворникъ запираетъ ворота дома. — Я не могъ не заплакать, когда я видѣлъ, какъ нищій умолялъ хозяина великолѣпнаго дворца о кускѣ хлѣба. — Легенды рассказываютъ о великанахъ, которые хотѣли бороться съ богами. — Погода была дурная, и я простудился; врачъ посоветовалъ мнѣ пойти въ баню. — Нашъ вѣрный слуга умеръ въ больницѣ. — Съ книгами въ рукахъ дитя пошло въ училище. — Услышавъ это, онъ заплакалъ. — Зажгите свѣчу, ибо уже темно. — Громъ былъ такъ силенъ, что стекла нашихъ оконъ дрогнули. — Поссорившись съ своей женой, онъ раз-

велся съ нею. — Онъ отставной генераль; прослуживъ въ войскѣ тридцать лѣтъ, онъ вышелъ въ отставку. — Мой товарищъ очень легковѣренъ: онъ вѣритъ всему, что говорятъ ему. — Эдуардъ очень вспыльчивъ и мстителенъ, и его обидѣть опасно. — Будьте трудолюбивы, бережливы и осторожны. — Религія говоритъ, что душа бессмертна, хотя тѣло смертно.

12.

Отецъ подарилъ мнѣ копилку, и онъ самъ бросилъ въ нее первую монету. — Вчера выпалъ большой градъ; каждая градина вѣсила болѣе 50 граммовъ. — Малѣйшая искра достаточна для того, чтобы вызвать взрывъ пороха. Вашъ государь есть король Пруссіи и императоръ Германіи. — Если капитанъ приказываетъ, матросы должны повиноваться. — Стоя на вершинѣ холма, который находится возлѣ нашего дома, онъ видѣлъ всю окрестность. — Сидя на стулѣ и держа ноги на скамеечкѣ, онъ дремалъ. — Мнѣ очень нравится голубоватый дымъ сигары, которую вы курите. — Прогуливаясь по аллеѣ, мы встрѣтили доктора N. съ супругой, которые пригласили насъ на балъ, который они сегодня даютъ; мы пойдемъ съ удовольствіемъ, ибо хозяйева вѣроятно позаботятся, чтобы гости хорошо провели время. — Я поѣду сегодня къ моему дядѣ и теткѣ. — Онъ заплатилъ за цыпленка столько, сколько не платятъ за пѣтуха. — Потомки Наполеона надѣются получить тронъ Франціи.

13.

Собираясь пойти гулять, очистите свое платье.— Весеннее солнце растопило снѣгъ и ледъ.— Она хочетъ обручить моего брата съ ея сестрой.— Усыщите ребенка.— Нужда пріучила его вставать очень рано.— Вслѣдствіе многочисленныхъ огорченій онъ совершенно посѣдѣлъ.— Число друзей международнаго языка увеличивается безпрестанно.— Познакомившись съ этимъ благороднымъ человѣкомъ, я сейчасъ-же съ нимъ подружился.— Удивительна исторія этого семейства: дѣдъ умеръ отъ какой-то непонятной болѣзни, имѣя 29 лѣтъ; бабушка убила себя сама въ припадкѣ сумашествія; отецъ выпалъ изъ окна третьяго этажа и убится; мать была убита своей собственной служанкой.— Была ли свѣча потушена или она погасла сама?— Этого маленькаго мальчика покрасила его мать, или, можетъ быть, онъ самъ себя покрасилъ?— Нѣтъ, онъ покраснѣлъ отъ удовольствія, ибо онъ очень склоненъ къ краснѣнію.— Посадите брата, ибо самъ онъ сѣсть не хочетъ; если его нельзя посадить, пододвиньте стулъ подъ его ноги, и онъ мимо воли сядетъ.— Упавши съ верхушки дерева, онъ очутился (сидячимъ) на нижней вѣтви.

14.

Дайте мнѣ иголку и нитку, я хочу пришить пуговицу къ моему сюртуку.— Посмотрите, какъ орелъ бьетъ крыльями!— Цокривала могутъ быть для лица, для кроватей (одѣяла) и т. п.— Возьмите заступъ и выкопайте могилу.— Моя тетка родила

сына. — Быкъ обработываетъ поле, а корова даетъ молоко. — Мать моего отца есть моя бабушка. — Я слышалъ это отъ достовѣрныхъ лицъ. — Я уже видѣлъ всѣ достопримѣчательности вашего города. — Онъ безнадежно боленъ, и спасти его можетъ только какое-либо чудо. — У него доброе сердце, но къ сожалѣнію онъ не можетъ дѣлать, что онъ хочетъ. — Теплый дымъ для меня вреденъ, поэтому я всегда курю черезъ мундштукъ. — Чтобы не уколоть пальца при шитьѣ, носятъ наперстокъ. — Я потерялъ ключъ отъ моего шкафа, и я долженъ былъ послать за слесаремъ. — Вальтеръ-Скотъ былъ знаменитый писатель. — Аптекарь есть помощникъ врача. — Поваръ испортилъ обѣдъ. — Дѣдъ не хотѣлъ благословить своего внука, но онъ его также не проклялъ. — Онъ не только не помогаль мнѣ въ моей работѣ, но онъ еще мнѣ мѣшалъ, сколько онъ могъ. — Нижняя часть этого дома иначе окрашена нежели верхняя. — Не читайте такъ тихо. — Затворите двери!

15.

За ваше непризнаніе удвоятъ ваше наказаніе. — Я ухожу и возвращусь черезъ четверть часа. — Вмеѣстѣ мы раньше кончимъ работу, чѣмъ въ одиночку. — Христось воскресъ. — Ступайте, но не возвратитесь слишкомъ поздно. — Цезарь перешель Рубиконъ — Перенесите стулъ отсюда на другое мѣсто. — Я имѣю въ своемъ перовникѣ двѣ ручки (для перьевъ) безъ перьевъ. — Будучи въ табачной лавкѣ, я купилъ десять сигаръ; девять изъ нихъ я вложилъ въ мой порт-сигаръ, а одну я всадилъ

въ мундштукъ и закурилъ. — Дерево, на которомъ растутъ яблоки, называется яблонью или яблочнымъ деревомъ, но не всякое плодовое растеніе есть дерево. — Испанія есть часть Европы. — Я былъ ребенкомъ, я былъ мальчикомъ, я былъ юношей, я былъ мужчиной, — теперь я старикъ. — Я не хочу напрасно говорить съ этимъ дуракомъ. — Если мы должны употребить какой-нибудь суффиксъ, но смыслъ не показываетъ намъ, какой суффиксъ мы должны взять, — мы употребляемъ суффиксъ „um“. — Кто не исполняетъ своего обѣщанія, тотъ подлець. — Вышедши изъ теплой комнаты на холодный дворъ, она простудилась и заболѣла.

16.

Древніе народы были очень гостеприимны. — Онъ даетъ уроки чистописанія. — У него прекрасные бакенбарды. — Эготъ хлѣбъ очень вкусенъ. — Въ моемъ письменномъ столѣ четыре ящика (выдвижныхъ). — 12 мѣсяцевъ христіанскаго года слѣдующіе: Январь, Февраль, Мартъ, Апрель, Май, Іюнь, Іюль, Августъ, Сентябрь, Октябрь, Ноябрь, Декабрь. — Скажите мнѣ, пожалуйста, который теперь часъ. — Теперь три часа, или вѣрнѣе, теперь пять минутъ четвертаго. — Нѣтъ, сударь, вы ошибаетесь: теперь четверть четвертаго. — Въ которомъ часу вы обѣдаете? — Не всегда одинаково: сегодня мы обѣдали въ три четверти четвертаго, а вчера мы ѣли какъ разъ въ три часа. — Сколько вамъ лѣтъ? — Мнѣ сорокъ пять лѣтъ. — Здравствуйте, сударь! какъ вы поживаете? — виноватъ, сударь, я васъ не узнаю. — Въ будущее воскр-

сенье я поѣду въ Гамбургъ. — Что вамъ за дѣло до моихъ поступковъ? не вмѣшивайтесь въ чужія дѣла! — Играете-ли вы на скрипкѣ? — Нѣтъ, я играю въ карты, а къ инструментамъ я всегда былъ лѣнивъ. — Я не живу у моего брата, я живу отдѣльно; но моя квартира возлѣ его (квартиры). — Передъ тѣмъ маленькимъ деревяннымъ домикомъ стояло красивое большое дерево. — Я хочу или все, или ничего. — Мнѣ нужно два франка; не можете-ли вы мнѣ ихъ дать взаймы? — Пословицы выражаютъ умъ народа, а преданія выражаютъ его вѣру. Слово „met“ мы употребляемъ тогда, когда мы хотимъ выразить какое-нибудь дѣйствіе, а форма дѣйствія для насъ или не ясна, или безъ значенія. „Meti ion ien“ означаетъ: сдѣлать, чтобы что-нибудь гдѣ-нибудь было. „Meti“ могло-бы иначе быть переведено „estigi“. „Meti“ между глаголами есть то-же самое, что „je“ между предлогами, или „im“ между суффиксами. — Положите руку на сердце. — Вора посадили въ темницу (еслибъ мы сказали „oni lin sidigis“, это было бы невѣрно, ибо никто его тамъ не *сажалъ*). — Надѣнь шляпу на голову. — Письмо я адресовалъ: Его Высокоблагородію господину N. въ N. N. — Ваше сіятельство, помогите мнѣ въ моей нуждѣ! — Чтобы быть счастливымъ, надо быть прежде всего довольнымъ своей судьбой. — Я пошелъ въ театръ, чтобы послушать знаменитаго пѣвца.

ТѢНЬ.

(СКАЗКА АНДЕРСЕНА).

Въ жаркихъ странахъ солнце даетъ другой жаръ, чѣмъ у насъ. Люди получаютъ цвѣтъ темный, а въ самыхъ жаркихъ странахъ горящее солнце дѣлаетъ ихъ неграми. Но это были только просто теплыя страны, куда переѣхалъ одинъ ученый человекъ изъ нашихъ холодныхъ. Онъ думалъ, что ему тамъ также можно будетъ прогуливаться по улицамъ, какъ въ своемъ отечествѣ, но отъ этого онъ долженъ былъ скоро отучиться. Онъ и всѣ благо-разумные люди должны были спокойно оставаться дома. Ставни оконъ и двери оставались закрытыми весь день. Можно было подумать, что весь домъ спитъ, или что никого нѣтъ дома. Узкая улица, гдѣ онъ жилъ, была еще такъ построена, что съ утра до вечера имѣли тамъ весь жаръ солнца. Ученый человекъ изъ холодныхъ странъ былъ человекъ молодой и человекъ умный; ему казалось, что онъ сидитъ въ горячей печкѣ. Это заставляло его очень страдать. Онъ совсѣмъ исхудалъ, и даже его тѣнь сдѣлалась гораздо меньшей, чѣмъ на родинѣ, — она также страдала отъ солнца.

Только вечеромъ, послѣ захода солнца, они оживали. Было настоящее удовольствіе это видѣть. Лишь только вносили свѣтъ въ комнату, тѣнь вытягивалась по всей стѣнѣ, до потолка и даже немного по самому потолку. Она нарочно дѣлала себя такую длиною,

она должна была вытягиваться, чтобы опять получить силы. Ученый выходилъ на балконъ, чтобы тамъ вытягиваться, и лишь только звѣзды заблестали изъ яснаго ээира, онъ сталъ чувствовать новую жизнь. На всѣхъ балконахъ улицы—а въ теплыхъ странахъ каждое окно имѣетъ балконъ — показывались люди, ибо въ воздухѣ люди нуждаются, если они даже привыкли, чтобы солнце ихъ жгло. Жизнь началась вверху и внизу. Портные и сапожники,—всѣ люди выходили на улицу, столы и стулья выносились, свѣтъ горѣлъ повсюду, горѣло больше тысячи свѣтовъ; одинъ болталъ, другой пѣлъ, и люди прогуливались, возы ѣхали, ослы ходили... динь-динь-динь—ибо они носили колокольчики. Тамъ покойниковъ хоронили съ пѣніемъ, уличные мальчишки шумѣли, церковные колокола звонили, словомъ — жизнь и движеніе царили вверху и внизу на улицѣ. Только въ одномъ домѣ, который стоялъ прямо насупротивъ квартиры иноземнаго ученаго, было совершенно тихо, и однако тамъ вѣроятно кто-нибудь жилъ, ибо на балконѣ стояли цвѣты, которые великолѣпно росли, — слѣдовательно кто-нибудь вѣроятно ихъ поливалъ, и люди непремѣнно должны были тамъ быть. Двери насупротивъ также открывались вечеромъ, но тамъ внутри было темно, покрайней мѣрѣ въ передней комнатѣ,—изнутри слышалась музыка, которая иноземному ученому казалась невыразимо прекрасной. Но, можетъ быть, она была таковой только въ его воображеніи, ибо онъ находилъ тамъ въ теплыхъ странахъ все невыразимо прекраснымъ, если-бы только не было злаго солнца. Хозяинъ чужеземца сказалъ, что онъ не знаетъ, кто живетъ въ домѣ насупротивъ,

что тамъ вѣдь не видно ни одной особы, а что касается музыки — онъ находитъ ее отвратительно скучной. Это такъ, какъ если кто-нибудь повторяетъ пьесу, которая для него слишкомъ трудна и которой онъ не можетъ научиться, вѣчно та-же пьеса. „Я все-таки справлюсь съ ней!“ говоритъ онъ, но онъ все-таки съ ней не справляется, какъ долго онъ ни играетъ“.

Однажды ночью чужеземецъ проснулся; онъ спалъ при открытыхъ дверяхъ балкона, занавѣсы у дверей раздвинулись отъ вѣянiя вѣтра, и ему показалось, что съ противоположнаго балкона доходить удивительный блескъ. Всѣ цвѣты блистали въ самыхъ великолѣпныхъ краскахъ, и въ срединѣ между цвѣтами стояла стройная милая дѣва, которая, казалось, тоже испускала блескъ. Глаза ученаго были совершенно ослѣплены этимъ, и не удивительно, ибо онъ ихъ дѣйствительно слишкомъ сильно открылъ, и къ тому же онъ еще былъ со сна. Однимъ прыжкомъ онъ былъ на полу, очень тихо онъ сталъ за занавѣсомъ, но дѣвы уже не было, блескъ погасъ. Цвѣты уже больше не блистали, но они стояли еще въ своей прежней красотѣ. Двери были не совсѣмъ закрыты, и глубоко изъ - внутри раздавалась тихая и прiятная музыка, которая могла вызвать самые сладкiе сны. Это было дѣйствительно нѣчто волшебное. Кто могъ тамъ жить? Гдѣ былъ входъ? Въ партерѣ были только магазинъ при магазинѣ, и было вѣдь невозможно, чтобы люди всегда пробѣгали черезъ эти магазины.

Однажды вечеромъ чужеземецъ сидѣлъ на своемъ балконѣ, за нимъ въ комнатѣ горѣлъ свѣтъ,

и потому совершенно естественно было, что тѣнь была видна на стѣнѣ противоположной квартиры. Такъ она сидѣла тамъ среди цвѣтовъ на балконѣ, и всякій разъ, когда иноземецъ шевелился, тѣнь тоже шевелилась, ибо такъ она обыкновенно дѣлаетъ.

„Я думаю, что моя тѣнь есть единственное живое существо, которое можно найти тамъ на-супротивъ!“ сказалъ ученый. „Посмотрите, какъ красиво она сидитъ тамъ между цвѣтами, двери не совершенно затворены, и теперь тѣнь должна была-бы быть настолько умна и войти и все хорошо осмотрѣть, что находится внутри, и послѣ, возвратившись, рассказать мнѣ, что она тамъ видѣла. Да, да, моя тѣнь, ты должна была-бы стараться быть мнѣ полезной!“ сказалъ онъ шутя. „Будь столь любезна и войди! ну, ты не хочешь идти?“ Онъ покачалъ головой къ тѣни, и тѣнь также покачала головой. „Да, да, иди, но скоро вернись!“ Чужеземецъ поднялся, и его тѣнь на противоположномъ балконѣ тоже поднялась; чужеземецъ обернулся и тѣнь тоже обернулась; еслибы кто-нибудь хорошо смотрѣлъ, онъ могъ-бы ясно видѣть, что тѣнь вошла въ полуоткрытую дверь балкона противоположнаго дома какъ разъ въ тотъ моментъ, въ который чужеземецъ вошелъ въ свою комнату и опустил за собой длинный занавѣсъ.

На слѣдующее утро ученый вышелъ, чтобы выпить кофе и почитать газеты. „Что это такое?“ сказалъ онъ, когда онъ вышелъ на свѣтъ солнца, „у меня вѣдь нѣтъ тѣни! Такъ она вчера вечеромъ дѣйствительно ушла и уже не вернулась; это дѣйствительно досадно!“

Не столько сама потеря тѣни огорчала его, какъ то обстоятельство, что въ холодныхъ странахъ рассказывается одна общеизвѣстная исторія о челоѣкѣ безъ тѣни. Если теперь ученый прїѣдетъ домой и расскажетъ, что съ нимъ случилось, то скажутъ, что это только подражаніе, и это ему не нравилось. Поэтому онъ постановилъ совершенно не говорить объ этомъ, и это было вполнѣ благо-разумно.

Вечеромъ онъ снова вышелъ на свой балконъ, свѣтъ онъ совершенно вѣрно поставилъ позади себя, ибо онъ зналъ, что тѣнь всегда хочетъ, чтобы ея господинъ былъ для нея ширмой, — но онъ однако не могъ ее вызвать. Онъ дѣлалъ себя большимъ, онъ дѣлалъ себя маленькимъ, но никакая тѣнь не являлась, никакая тѣнь не показывалась. Онъ сказалъ: „Гм, гм!“ но ничего не помогло.

Это было конечно досадно, но въ теплыхъ странахъ слава Богу все растетъ скоро, и по истеченіи одной недѣли онъ замѣтилъ съ большимъ удовольствіемъ, что изъ ногъ вырастаетъ ему новая тѣнь, когда онъ выходитъ на свѣтъ; корень вѣрно остался. По истеченіи трехъ недѣль онъ уже имѣлъ не слишкомъ маленькую тѣнь, а когда онъ обратно поѣхалъ домой въ холодныя страны, она въ дорогѣ все больше и больше росла, такъ что она наконецъ сдѣлалась такою длинною и большою, что уже половины было-бы достаточно.

Такъ ученый возвратился въ свой край, писалъ книги о правдѣ въ мірѣ, о хорошемъ и прекрасномъ, и такъ онъ проводилъ дни и годы; прошло много лѣтъ.

Однажды вечером онъ сидитъ въ своей комнатѣ, и вотъ вдругъ стучать очень тихо въ дверь.

„Войдите!“ сказалъ онъ, но никто не входитъ; поэтому онъ отворилъ самъ, и вотъ передъ нимъ стоитъ необыкновенно худощавый человѣкъ съ очень страннымъ видомъ. Впрочемъ, этотъ человѣкъ былъ очень богато одѣтъ, это была повидимому важная особа.

„Съ кѣмъ имѣю честь говорить?“ спросилъ ученый.

„Да, я такъ и думалъ“, сказалъ изящно одѣтый человѣкъ, „что вы меня не узнаете! Я сталъ слишкомъ тѣлеснымъ, я буквально получилъ мясо и кости. Вы вѣроятно никогда не думали, что вы увидите меня когда-либо въ такомъ хорошемъ состояніи! Не узнаете-ли вы вашей старой тѣни? Да, вы вѣрно не вѣрили, чтобы я еще когда-либо пришелъ. Я имѣлъ счастье съ того дня, когда я былъ у васъ въ послѣдній разъ; я во всѣхъ отношеніяхъ сдѣлался очень благосостоятельнымъ. Если я хочу выкупить себя изъ моей службы, я достаточно богатъ для этого!“ И онъ забренчалъ цѣлою связкой драгоценныхъ печатей, которыя висѣли у его часовъ, и вложилъ свою руку въ толстую золотую цѣпь, которую онъ носилъ вокругъ шеи. На всѣхъ пальцахъ блестѣли кольца съ алмазами, и всѣ были настоящіе.

„Нѣтъ, я не могу еще прійти въ себя!“ сказалъ ученый. „Какъ это возможно!“

„Что нибудь обыкновеннаго это дѣйствительно не есть!“ сказала тѣнь, „вѣдь вы сами тоже не принадлежите къ людямъ обыкновеннымъ, а я, какъ вамъ извѣстно, съ дѣтства всегда ходилъ по ва-

шимъ слѣдамъ. Лишь только вы нашли, что я достаточно созрѣлъ, чтобы самому пробиваться въ міръ, я началъ ходить собственнымъ путемъ. Я нахожусь въ самомъ блестящемъ положеніи, но теперь явилось у меня какое то страстное желаніе видѣть васъ еще разъ передъ вашей смертью, ибо умереть когда либо вы вѣдь должны. Тоже и страны эти я хотѣлъ видѣть еще разъ, ибо свою родину вѣдь всегда любятъ. Я знаю, что вы получили другую тѣнь; долженъ ли я ей или вамъ что нибудь заплатить? Будьте столь любезны и скажите мнѣ!“

„Ахъ, это дѣйствительно ты!“ сказалъ ученый. „Вѣдь это чрезвычайно удивительно! Никогда я бы не повѣрилъ, чтобы къ кому нибудь его старая тѣнь могла прійти какъ человѣкъ!“

„Скажите мнѣ, сколько я долженъ заплатить!“ сказала тѣнь, „ибо я не хочу оставаться чьимъ нибудь должникомъ.“

„Какъ ты можешь такъ говорить!“ сказалъ ученый, „о какомъ либо долгѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Пользуйся своею свободою, какъ всякій другой! Я очень радъ твоему счастью! Садись, старый другъ, и расскажи мнѣ въ короткихъ словахъ, какъ это случилось и что ты тамъ видѣлъ въ теплыхъ странахъ у сосѣда насупротивъ!“

„Да, это я вамъ расскажу,“ сказала тѣнь, садясь „но вы должны мнѣ обѣщать, что вы никому въ этомъ городѣ не расскажете, что я былъ вашей тѣнью! Я намѣреваюсь обручиться, я могу прокормить болѣе одного семейства!“

„Не безпокойся!“ сказалъ ученый, „я никому не скажу, кто ты собственно таковъ; вотъ тебѣ

моя рука! Я обещаю, а одинъ человекъ — одно слово!“

„Одно слово—одна тѣнь!“ сказала тѣнь, ибо такъ она вѣдь должна была говорить.

Впрочемъ было дѣйствительно удивительно, какъ совершенно она была человекомъ. Черное ея платье было изъ самой лучшей матеріи, къ тому же она носила изящные сапоги и шляпу, которую можно было сдавливать, такъ что видны были только крышки и поля, не говоря уже объ извѣстныхъ намъ печатяхъ, золотой цѣпи и кольцахъ съ алмазами. Да, тѣнь была очень хорошо одѣта, и это болѣе всего дѣлала ее человекомъ.

„Теперь я расскажу!“ сказала тѣнь, и при этомъ она поставила свои ноги съ изящными сапогами сильно надавливая на новую тѣнь, которая лежала какъ собака у ногъ ученаго; это было сдѣлано изъ гордости, или, можетъ быть, она хотѣла привязать тѣнь къ себѣ. Лежащая тѣнь однако держала себя тихо и спокойно, чтобы имѣть возможность хорошо слушать; она вѣроятно тоже хотѣла знать, какъ ей можно было-бы освободиться и сдѣлаться собственнымъ господиномъ.

„Знаете-ли вы, кто жилъ въ домѣ насупротивъ насъ?“ спросила тѣнь. „Это было самое прекрасное, это была поэзія! Я оставался тамъ три недѣли, а это то-же самое, что жить три тысячи лѣтъ и прочесть всѣ сочиненія поэтическія и ученныя,— такъ я говорю, и это правда. Я все видѣлъ и все знаю!“

„Поэзія!“ воскликнулъ ученый, „да, да, она живетъ отшельницей въ большихъ городахъ! Поэзія!“

Да, я ее видѣлъ одну минуту, но я еще тогда спалъ! Она стояла на балконѣ и сіяла, какъ сѣверное сіяніе. Расскажи, расскажи! Ты былъ на балконѣ, ты вошелъ черезъ дверь, а затѣмъ...“

„Затѣмъ я былъ въ передней!“ продолжала тѣнь. „Вы часто сидѣли и старались смотрѣть въ переднюю. Здѣсь не было свѣта, здѣсь было нѣчто вѣродѣ полусвѣта; но тамъ было большое количество комнатъ одна за другою, и черезъ ихъ открытыя двери можно было видѣть ихъ всѣ. Тамъ было уже очень свѣтло. огромная сила цѣлаго моря свѣта меня навѣрно убила-бы, еслибъ я подошелъ близко къ дѣвѣ; но я былъ благоразуменъ, я не торопился, а это было хорошо!“.

„И что ты тамъ видѣлъ, мой милый?“ спросилъ ученый.

„Я видѣлъ все и расскажу вамъ; но... это не гордость съ моей стороны, однако... какъ человѣкъ свободный и при моей учености, не говоря уже о моемъ хорошемъ положеніи и богатствѣ... я сердечно желалъ-бы, чтобы вы говорили мнѣ не „мой милый“, а „сударь“!“

„Извините, сударь“! сказалъ ученый, „это не-уничтожимая старая привычка! Вы совершенно правы, и отнынѣ я уже буду помнить. Но расскажите мнѣ, сударь, все что вы видѣли“.

„Все!“ сказала тѣнь, „ибо я все видѣлъ и все знаю!“

„Какой видъ имѣли внутреннія комнаты?“ спросилъ ученый. „Было-ли тамъ какъ въ свѣжемъ лѣсу? было-ли тамъ какъ въ святой цѣркви? были-ли комнаты какъ звѣздное небо, когда стоишь на высокихъ горахъ?“

„Все тамъ было!“ сказала тѣнь. „Я вѣдь не со-
всѣмъ вошелъ, я остался въ передней комнатѣ,
въ полусвѣтѣ, но это мѣсто было очень хорошее,
я все видѣлъ, все знаю. Я былъ во дворцѣ поэзіи,
въ передней“.

„Но что вы видѣли? проходили-ли черезъ боль-
шія комнаты всѣ боги древнихъ временъ? боро-
лись-ли тамъ древніе герои? играли-ли тамъ ве-
селья дѣти и рассказывали свои сны?“

„Я говорю вамъ, я тамъ былъ, и вы поймете,
что я все видѣлъ, что можно было тамъ видѣть!
Если-бы вы туда зашли, вы перестали-бы быть
человѣкомъ, я же сдѣлался человѣкомъ, и одновре-
менно я узналъ мою внутреннюю природу, родство,
въ которомъ я нахожусь съ поэзіей. Когда я былъ
еще у васъ, я объ этомъ не думалъ, но лишь
только солнце восходило или заходило, я всегда,
вы еще вѣроятно помните, становился такъ удиви-
тельно большимъ; при свѣтѣ луны я бывалъ почти
еще яснѣе, чѣмъ вы сами. Тогда я не понималъ
своей натуры, только въ передней у поэзіи я узналъ
ее, — я сталъ человѣкомъ. Я вышелъ оттуда со-
зрѣвшимъ мужемъ, но васъ уже не было въ теплыхъ
странахъ. Будучи уже человѣкомъ, я теперь сты-
дился такъ ходить, какъ я ходилъ; я не имѣлъ
сапогъ, платья, всей человѣческой внѣшности, кото-
рая даетъ человѣку его значеніе. Я искалъ мѣста,
чтобы укрыться, да, вамъ я могу признаться, ибо
вы моего секрета не откроете ни въ какой книгѣ, —
я спрятался подъ юбкой одной продавщицы пря-
никовъ. Женщина даже и не догадывалась, какой
важной особѣ она дала убѣжище. Не раньше вечера

я вышелъ; я бѣгалъ по улицѣ при свѣтѣ луны; я вытягивался вдоль стѣны, это было такъ пріятно для моей спины! Я бѣгалъ вверхъ и внизъ, смотрѣлъ черезъ самыя высокія окна въ комнаты и на крыши, я смотрѣлъ, куда никто смотрѣть не могъ, и я видѣлъ, чего никто другой не видѣлъ, чего никто другой не долженъ былъ видѣть. Свѣтъ, чтобы правду сказать, довольно дурной! Я не хотѣлъ-бы быть человѣкомъ, еслибы только не господствовало глупое убѣжденіе, что быть человѣкомъ имѣетъ какое-то важное значеніе! Я видѣлъ самыя невѣроятныя вещи у женщинъ какъ и мужчинъ, у родителей и у сладкихъ ангельскихъ дѣтей; я видѣлъ то, чего никакой человѣкъ не долженъ былъ-бы знать, что однако всѣ такъ хотѣли-бы знать — дурное у сосѣдей. Еслибъ я писалъ газету, сколько читателей она получила-бы! Но я писалъ сейчасъ къ заинтересованнымъ особамъ самимъ, и ужасъ охватывалъ всѣ города, куда я приходилъ. Меня боялись и старались нравиться мнѣ. Профессора дѣлали меня профессоромъ, портные давали мнѣ новое платье, такъ что я его теперь имѣю въ достаточномъ количествѣ; монетки чеканили деньги для меня, а женщины говорили мнѣ, что я красавецъ. Такимъ путемъ я сдѣлался человѣкомъ, какимъ вы меня теперь видите, а теперь я говорю вамъ прощайте! Вотъ моя визитная карта, я живу на Солнечной Сторонѣ, и въ дождливую погоду я всегда дома!“ Сказавши это, тѣнь ушла.

„Удивительно!“ сказалъ ученый.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и въ одно прекрасное утро тѣнь неожиданно снова пришла.

„Какъ поживаете?“ спросила она.

„Ахъ!“ сказалъ ученый, „я пишу о правдѣ, о хорошемъ и прекрасномъ, но для такихъ вещей каждое ухо глухо; я совершенно отчаяваюсь, ибо это мнѣ очень больно“.

„Я никогда себѣ огорченій не дѣлаю!“ сказала тѣнь, „а потому я жирѣю, а это должно быть цѣлью всякаго благоразумнаго человѣка. Вы до сихъ поръ еще не умѣете жить на свѣтѣ. Вы еще совершенно потеряете здоровье. Вы должны ѣхать! Я лѣтомъ сдѣлаю путешествіе, хотите-ли вы меня сопровождать? Я желаю имѣть спутника,—хотите-ли ѣхать со мною въ качествѣ моей тѣни? Это было-бы для меня большимъ удовольствіемъ имѣть васъ при себѣ; я заплачу путевыя издержки.“

„Это уже неслыханная дерзость!“ сказалъ ученый.

„Смотря потому, какъ это принимаютъ!“ сказала тѣнь. „Путешествіе возвратитъ вамъ силы. Если вы хотите быть моею тѣнью, я беру на себя одного всѣхъ путевыя издержки!“

„Уже слишкомъ безстыдно!“ сказалъ ученый.

„Но міръ уже таковъ!“ сказала тѣнь, „и такимъ онъ останется!“ и съ этими словами тѣнь ушла.

Ученому шло очень не хорошо; заботы и страданія мучили его, и то, что онъ говорилъ о правдѣ, о хорошемъ и прекрасномъ, было почти для всѣхъ, что розы для коровы!—Наконецъ онъ дѣйствительно заболѣлъ.

„Вы смотрите какъ тѣнь!“ говорили ему люди, и ужасъ охватывалъ ученаго при этой мысли.

„Вы должны непременно ѣхать на воды!“ сказала тѣнь, которая навѣстила его. „Ничего дру-

гаго не остается! Я васъ возьму съ собою ради стараго знакомства. Я заплачу за дорогу, а вы послѣ составите описаніе пути, а въ дорогѣ вы будете стараться развлекать меня. Я ѣду на воды, потому что моя борода не хочетъ расти какъ слѣдуетъ, это также болѣзнь, а бороду нужно имѣть. Будьте благоразумны и примите мое предложеніе, вѣдь мы поѣдемъ какъ товарищи.“

И они поѣхали; тѣнь была теперь господиномъ, а господинъ былъ тѣнью. Они ѣхали вмѣстѣ. Верхомъ или пѣшкомъ—они всегда были вмѣстѣ, бокъ-о-бокъ, одинъ передъ или позади другаго, смотря по положенію солнца. Тѣнь держалась всегда на господской сторонѣ, а ученаго это мало огорчало; у него было очень доброе сердце, и онъ былъ очень миролюбивымъ и склоннымъ къ дружбѣ, и потому онъ однажды сказалъ тѣни:

„Такъ какъ мы уже сдѣлались товарищами, и къ тому-же мы съ дѣтства бывали всегда вмѣстѣ, то выпьемъ на „ты“, и будемъ болѣе фамиліарны другъ съ другомъ“.

„Вы высказали свое мнѣніе“, сказала тѣнь, которая теперь вѣдь дѣйствительно была господиномъ; „вы говорили прямо отъ сердца и съ добрымъ намѣреніемъ, поэтому я также буду говорить отъ сердца и съ такимъ-же добрымъ намѣреніемъ. Вы, какъ человѣкъ ученый, знаете очень хорошо, какъ капризна природа. Многіе не могутъ прикоснуться къ шероховатой бумагѣ; другіе вздрагиваютъ всѣмъ тѣломъ, когда царапаютъ углемъ по стеклу; у меня является точно такое-же чувство, когда вы обращаетесь ко мнѣ фамиліарно; я чувствую себя какъ-бы

придавленнымъ къ землѣ, какъ будто-бы я былъ опять въ моей прежней зависимости отъ васъ. Вы видите, что это не гордость, а чувство. Я не могу позволить, чтобы вы обращались ко мнѣ фамиліарно, я самъ однако съ удовольствіемъ буду говорить съ вами безцеремонно, и такимъ образомъ я по крайней мѣрѣ на-половину исполню ваше желаніе“.

И съ того времени тѣнь обращалась какъ баринъ со своимъ прежнимъ господиномъ.

„Какое униженіе!“ думалъ ученый, „что я долженъ уважать его, какъ господина, а онъ со мной говорить совершенно безцеремонно!“ Но волей-неволей онъ долженъ былъ согласиться.

Они прибыли на воды, гдѣ находилось много иноземцевъ и между ними одна очень прекрасная принцесса, болѣзнь которой состояла въ томъ, что она слишкомъ хорошо видѣла, а это очень опасно.

Она сейчасъ-же замѣтила, что новоприбывшій совершенно другой человѣкъ, чѣмъ всѣ остальные. „Онъ прибылъ сюда, чтобы ускорить ростъ своей бороды, такъ говорятъ, но я хорошо вижу дѣйствительную причину его прибытія: у него нѣтъ тѣни“.

Ею овладѣло большое любопытство, и поэтому она на променадѣ сейчасъ-же завела разговоръ съ чужимъ господиномъ. Какъ принцесса, она не должна была дѣлать большихъ церемоній, и поэтому она сказала: „Ваша болѣзнь состоитъ въ томъ, что у васъ нѣтъ тѣни“.

„Ваше королевское Высочество уже начали совершенно выздоравливать!“ отвѣтила тѣнь. „Ваша извѣстная мнѣ болѣзнь слишкомъ хорошаго зрѣнія—исчезла; вы выздоровѣли: у меня есть тѣнь совер-

шенно необыкновенная. Видите-ли вы особу, которая всегда меня сопровождаетъ? Другіе люди имѣютъ тѣнь обыкновенную, но я не люблю вещей обыкновенныхъ. Подобно тому, какъ платья своихъ слугъ дѣлаютъ изъ лучшаго матеріала, чѣмъ носятъ сами, такъ я далъ моей тѣни форму человѣка и, какъ вы видите, я даже далъ ей особую тѣнь. Это, правда, много стоить, но я люблю жить иначе, чѣмъ всѣ!“.

„Какъ!“ подумала принцесса, „неужели я действительно выздоровѣла? Эти воды, правда, для моей болѣзни самыя цѣлительныя! Вода въ наше время имѣетъ очень удивительныя силы. Но однако я не уѣду отсюда, ибо теперь здѣсь только становится интересно. Иноземецъ очень мнѣ нравится. Пусть только его борода не растетъ, ибо тогда онъ уѣдетъ“.

Вечеромъ въ большой бальной залѣ танцевала принцесса съ тѣнью. Она была легка, но тѣнь была еще легче; такого танцора она еще никогда не имѣла. Она рассказала своему танцору, изъ какой она страны, и онъ зналъ эту страну, онъ тамъ былъ, но ея тогда не было дома. Онъ смотрѣлъ вверху и внизу черезъ окна и видѣлъ много вещей, и потому онъ могъ отвѣчать принцессѣ и рассказать ей такія вещи, что она сильно изумлялась. Онъ долженъ былъ быть самый мудрый человѣкъ на всей землѣ. Она получила большое почтеніе передъ его обширными познаніями. Когда они послѣ этого опять танцевали вмѣстѣ, она влюбилась въ него, что тѣнь очень хорошо видѣла. При слѣдующемъ танцѣ признаніе въ любви находилось уже на ея языкѣ, но она была еще на столько благоразумна, что по-

думала о своей странѣ и своемъ государствѣ и о множествѣ людей, которыми она должна была впоследствии управлять. „Онъ умный человѣкъ!“ сказала она себѣ самой, „это хорошо; и онъ танцуетъ великолѣпно, это тоже хорошо; но одинаково важенъ вопросъ, довольно-ли онъ образованъ. Я попробую его экзаменовать“. И она начала предлагать тѣмъ вопросы о самыхъ трудныхъ вещахъ, на которые она сама не въ состояніи была-бы отвѣтить; и тѣмъ сдѣлала странную мину.

„На это вы не умѣете отвѣтить!“ сказала принцесса.

„Это я зналъ еще будучи въ школѣ!“ сказала тѣмъ; я думаю, что на это даже моя тѣмъ тамъ у дверей могла-бы отвѣтить“.

„Ваша тѣмъ!“ воскликнула принцесса, „это было-бы чрезвычайно удивительно!“

„Я не говорю навѣрно, что она это сумѣетъ“, сказала тѣмъ, „но такъ я думаю, ибо она вѣдь такъ долго меня сопровождала и слушала, — я дакъ думаю! Но позвольте, Ваше Высочество, сообщить вамъ, что она такъ горда, что хочетъ чтобы ее принимали за человѣка, и для того, чтобы держать ее въ хорошемъ расположеніи духа — а таковой она должна быть, чтобы давать хорошіе отвѣты — надо говорить съ ней совершенно какъ съ человѣкомъ“.

„Такая гордость мнѣ нравится!“ сказала принцесса. И она пошла къ ученому человѣку возлѣ дверей и говорила съ нимъ о солнцѣ и лунѣ, о внутреннихъ и внѣшнихъ свойствахъ человѣка, и онъ отвѣчалъ умно и хорошо.

„Что́ это долженъ быть за человѣкъ, когда онъ имѣетъ такую мудрую тѣнь!“ подумала принцесса, „было-бы настоящимъ благословеніемъ для моего народа и государства, если-бы я его избрала моимъ супругомъ! — Я это дѣлаю!“.

Принцесса и тѣнь скоро были готовы между собою, но однако этого никто не долженъ былъ узнать, пока они не пріѣдутъ въ страну принцессы.

„Никто, даже моя тѣнь также нѣтъ!“ сказала тѣнь, и не безъ причины.

Скоро они прибыли въ страну, въ которой царствовала принцесса, когда она бывала дома.

„Слушай, другъ!“ сказала тѣнь къ ученому, теперъ я сдѣлался такимъ счастливымъ и могущественнымъ, какъ только возможно, поэтому я хочу также для тебя сдѣлать нѣчто необыкновенное! Ты будешь всегда жить при мнѣ во дворцѣ, будешь ѣздить со мною въ моей собственной королевской коляскѣ и будешь получать жалованіе въ сто тысячъ золотыхъ монетъ ежегодно. За то ты долженъ позволить, чтобы всякій и все называло тебя тѣнью. Не говори, что ты когда-либо былъ человѣкомъ, а одинъ разъ въ году, когда я буду сидѣть на балконѣ при свѣтѣ солнца и буду показываться народу, ты долженъ будешь лежать у ногъ моихъ какъ настоящая тѣнь! Ибо, признаюсь тебѣ, я женюсь на принцессѣ; еще сегодня вечеромъ мы отпразднуемъ свадьбу“.

„Нѣтъ, это уже слишкомъ много!“ сказалъ ученый, „этого я не хочу, этого я не сдѣлаю! Это значило бы обманывать весь народъ вмѣстѣ съ прин-

цессою! Я скажу все, скажу, что я человекъ, а ты только тѣнь, носящая платье человека!“

„Никто тебѣ не повѣритъ!“ сказала тѣнь. „Будь благоразуменъ, или я позову стражу!“

„Я пойду прямо къ принцессѣ!“ возразилъ ученый. „Но я пойду прежде!“ воскликнула тѣнь, „а ты пойдешь въ темницу!“ И туда ученый действительно долженъ былъ пойти, ибо солдаты повиновались тѣни, зная, что принцесса хочетъ его сдѣлать своимъ супругомъ.

„Ты дрожишь?“ спросила принцесса, когда тѣнь вошла; развѣ что-нибудь случилось съ тобою? не заболѣй сегодня, когда мы хотимъ вечеромъ праздновать нашу свадьбу“.

„Со мной случилось самое ужасное, что только можетъ случиться!“ сказала тѣнь, „представь себѣ— да, такая слабая голова тѣни не можетъ долго держаться—представь себѣ, моя тѣнь съ ума сошла, она твердитъ, что она человекъ, а я — представь себѣ — я ея тѣнь!“

„Ужасно!“ воскликнула принцесса, „она вѣдь подъ ключемъ?“

„Понятно! Я боюсь, что ея разумъ уже не возстановится!“

„Бѣдная тѣнь!“ возразила принцесса, „мнѣ очень жаль ея; было-бы очень хорошо для нея, еслибъ ее освободили отъ ея несчастной жизни. Когда я хорошо подумаю, я нахожу, что было-бы необходимо ее втихомолку совершенно устранить“.

„Хотя это было-бы мнѣ очень больно!“ сказала тѣнь, „ибо она была вѣрнымъ слугою!“ и онъ притворился будто-бы вздыхалъ.

„У тебя благородный характер!“ сказала принцесса.

Вечеромъ весь городъ былъ торжественно иллюминированъ, и пушки гремѣли: „бумъ!“ — а солдаты устроили парадъ. Принцесса и тѣнь вышли на балконъ, чтобы показать себя и еще разъ принять радостное и гремящее „ура!“ народныхъ массъ.

Ученый человѣкъ ничего не слышалъ изъ всего ликованія, ибо его жизни былъ положенъ конецъ.

18.

ПОСЛОВИЦЫ.

Всякое „потому“ имѣетъ свое „почему“.

Народъ говоритъ — Богъ говоритъ.

Какова мать, такова дочь.

Кто доживетъ, тотъ увидитъ.

Если дитя не плачетъ, мать не знаетъ.

Гони муху черезъ окно, она прійдетъ черезъ дверь.

Въ своемъ городкѣ никто не можетъ быть пророкомъ.

Кто идетъ спокойно, тотъ идетъ легко.

Послѣ дѣла приходитъ умъ.

Кто не кланяется шапкой, поклонится головой.

Не скажи „гопъ“ раньше скачка.

Сначала намѣревайся, а потомъ начни.

Не такъ страшенъ чортъ, какъ его рисуютъ.

Каковъ праздникъ, таково и платье.

Останься портной при своей работѣ.

Студенческая пѣснь.

Будемъ веселиться, тозарищи,
Пока мы молоды!
Послѣ настоящаго съ его удовольствіями,
Послѣ печальной старости
Одна только земля остается.

* * *

Жизнь очень коротка,
Бѣжитъ неудержимо,
И внезапно смерть прійдетъ
И быстро всякаго возьметъ,
Всякаго, безъ жалости.

* * *

Гдѣ наши предки
Сидятъ въ мірѣ?
Идите къ вышнимъ,
Ищите ихъ у подземныхъ, —
Кто ихъ видитъ?

* * *

Да здравствуетъ академія
И профессора!
Да живетъ долго и въ здоровьѣ
Каждый членъ академіи,
Да живетъ онъ безъ огорченій!

* * *

Да здравствуетъ, да процвѣтаетъ наше государство
И нашъ Государь!
Да здравствуютъ всѣ меценаты
И уважаемые друзья
Академіи.

* * *

Да здравствуютъ всѣ дѣвушки
Красивыя и стыдливыя!
Да здравствуютъ также женщины,
Подруги и хозяйки,
Добрыя, трудолюбивыя.

* * *

Да погибнетъ, да погибнетъ печаль!
Да погибнетъ боль!
Да погибнетъ всякій интригантъ
И вражду сохраняющій
Долго въ сердцѣ!

Гемза.

20.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Къ груди моей, — ахъ, она мнѣ болитъ, —
Приложи ручку, любимая дѣвушка!
Ты слышишь, какъ тамъ столяръ работаетъ?
Онъ для меня гробъ мастеритъ безъ конца!

* * *

Ахъ, какъ онъ стучитъ у меня въ сердцѣ!
Жизнь убѣгаетъ, она уже не для меня...
Слѣши, слѣши со своей работой,
Чтобы я могъ разъ на вѣки заснуть!

К. Д.

СПИСОКЪ

сочиненій по международному языку, [вышедшихъ до сего дня:

Цѣна:

- 1) Международный языкъ. Предисловіе и полный учебникъ. (Изданіе для *Русскихъ*) 15 копѣекъ.
- 2) *Język międzynarodowy. Przedmowa i podręcznik kompletny.* (Международный языкъ. Изданіе для *Поляковъ*) 15 копѣекъ.
- 3) *Langue internationale. Préface et manuel complet.* (Международный языкъ. Изданіе для *Французовъ*) 50 сантимовъ.
- 4) *Internationale Sprache. Vorrede und vollständiges Lehrbuch.* (Междунар. языкъ. Изданіе для *Нѣмцевъ*) . . . 40 пфенниговъ.
- 5) *International tongue. Preface and complete method.* (Международный языкъ. Изданіе для *Англичанъ*) 5 пенсовъ.
- 6) Русско-интернаціональный словарь 3 копѣйки.
- 7) Польско-интернаціональный словарь 3 копѣйки.
- 8) Французско-интернаціон. словарь 7 сантимовъ.
- 9) Нѣмецко-интернаціональный словарь 6 пфенниг.
- 10) Англійско-интернаціональный словарь 1 пенни.
- 11) ***Dua libro de l' lingvo internacia.***
Kajero № 1. (Вторая книга международного языка) 25 копѣекъ.

 Всѣ вышенаименованныя сочиненія могутъ быть получены во всякомъ книжномъ магазинѣ, а также и у автора международного языка. (Адресъ: Въ Варшаву, д-ру Л. Заменгофу для д-ра Эсперанто.)

Книгопродавцамъ уступка 25%.